

брую черную штучку через плечо кинул, а подвернувшись под руку ржавым, гнутым гвоздиком царапнул на ручке своей ложки: имя и где живу. Если что и случится, так вот он — адрес. Куда более ясный. Город наш — место известное. Фамилий таких в нашем го-роде не так уж и много. От силы пять—шесть семей. Опять же ложка не этот черный патрончик. Она на жизнь нацеливает, на то, как врага перехитрить, пересилить. Словом, засунул я свой столовый механизм за голенище и потопал по военной дорожке. Где мы только с ней, роднулей, не побывали! С запада на восток чуть не полстраны насквозь, прошли, а потом вновь с востока на запад. Не раз меня мысль посещала: не выбить ли на ложечке моей все те места, кото-рые остались в памяти, которые ты не глазами, но и пальцами метр за метром ощупал, потому как, знаешь, на войне не только в полный рост ходить приходится, и частенько ползать и ничком лежать. И лежать бы мне там, и по сей день, кабы не ложка моя солдатская... Вы-то знаете, какие там бои, в районе Орловско—Курской дуги, в июле — августе сорок третьего гремели. Это вам, скажу, не шутки. Снаряд за снарядом. Не успеешь голову от земли поднять, как снова чуть ли не с ушами зарывайся в нее. А она, надо сказать, горячей была. И от солнца, что жгло, палило ее, и от огня. Однако не все же лежать. Надо и дело свое солдатское делать. А оно для нас в тот день заключалось в том, чтобы взять во что бы то ни стало одну небольшую высотку над Зушей. Две прежних наших атаки безуспешными были. К третьей готовились. Враг тоже умаялся. Устроил передышку. Обозники наши, воспользовавшись той минутой, обед горячий подвезли. Мы налегли на него как следует, ибо третьи сутки на сухомятке — сухарях с водой — сидели. А тут тебе щи с мясом да кашей. Одним словом, первое вместе со вторым. И все то, как водится, в одном котелке. Сейчас даже дивно подумать, что этак можно. Да, но отобедали, выс-коблил я подчистую свой котелок, облизал ложку, ладонью отер и, вместо того чтобы, как водится, за голенище ее запихнуть, в левый карман гимнастерки кладу. Чего раньше никогда не делал. Будто мне кто-то шепнул. Не успел пуговицу на кармашке застегнуть, как командир подает команду к атаке. Я за свой автомат и вслед за командиром вперед. Десятка метров не пробежал, как пуля с головы пилотку сорвала. Э, думаю, как лихо все закручивается. Бывают бои, когда все пули мимо тебя летят, будто ты заговоренный, а бывают, когда они все до единой в одного тебя, кажись метят. Вот тот бой и

был таким. Одна пуля пилотку сбила, другая из голенища клок вырвала. Это все, конечно, мелочи, когда пуля одежду тратит, но тут всегда жди подвоха. И лишь подумал я на бегу об этом, как одна слепая дура шлеп меня на полном лету в грудь. В самое сердце. Да такой сильный удар, что не только остановил, но и назад от-бросил. Слышу, как липкая кровь по телу потекла, кровя гимнас-терку, как сильный сдвоенный толчок сделало и замерло сердце. Эй, жалость какая подумалось. И жить не жил, а вот ведь — убит. Но если думаю убит, то должен упасть, а я стою. Стою и все вижу и слышу. Слышу, как наши во всю глотку кричат «ура» и несутся на высоту, обегая меня, словно столб, справа и слева. Запускаю руку под гимнастерку, ищу дыру в груди и не нахожу. Ложка не дала. И помнил всегда, что жизнью своей я той ложке обязан, потому и особое уважение к ней имел, в дорогу ли какую близкую или дальнюю — она всегда со мной.

— Дег, а ты немцев вблизи видел?

— Видел, это было после разгрома немецкой дивизии, в исковер-канном, обожженном, обломанном чернолесье, еще свежи следы не-давнего боя, на земле — рубчатые следы наших танков. Они вломи-лись в оборону противника и «проутюжили» ее. Лес вокруг поломан. Воронка от взорвавшегося снаряда. На краю воронки лежит, раски-нувшись труп немецкого солдата. У него горит и дымится сапог. Присматриваюсь. Ага! Все ясно. Он собирался бросить из кустов в русский танк свою стеклянную ампулу с зажигательной жидкостью, но был убит. Ампула треснула. Густая, тяжелая прозрачная жидкость потекла на ногу мертвого немца и загорелась.

Немецкая траншея, здесь по колено в тухлой, зеленой воде еще сегодня утром сидели немцы. Сейчас они уже здесь лежат. Непод-вижные. Грязные. Серые. Вокруг разбросана солома, бутылки, кон-сервные банки, письма, немецкие газеты, патроны, фляжки, окровав-ленные тряпки, треснувшие каски.

Автоматчики ведут пленных немцев. Их только что взяли. Мокрые, грязные, похожие на арестантов, бредут они, низко опустив головы в серых пилотках. И дождь вокруг них блесит как стальная решетка».

Самое главное, что ребята сами приходят к выводу о значимости своей работы: «Из рассказов дедов и прадедов мы знаем, чем была для них война с обжигающим ветром заледеневших степей, огненным запахом горячего металла, чёрным ураганом вздыбленной земли, бе —